

Н.В. Никитина
N. V. Nikitina

**ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ:
СМОЛЕНСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ
В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
(НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВНОГО ФОНДА
«СОСЛОВИЕ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ПРИЗРЕНИЯ
РАЗОРЕННЫХ ОТ НЕПРИЯТЕЛЯ В 1812 ГОДУ»)**

**URBAN EVERYDAY LIFE IN EXTREME EPOCHS:
SMOLENSK TOWNSFOLK DURING THE PATRIOTIC WAR
OF 1812 (BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVE
FUND «ESTATE OF CHARITY TRUSTEES RUINED
BY THE ENEMY IN 1812»)**

В статье на основе изучения документов архивного фонда «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году», отложившегося в Российском государственном историческом архиве анализируются практики выживания и повседневная жизнь смоленских обывателей в период экстремальной ситуации – Отечественной войны 1812 года. В научный оборот вводятся ранее неизвестные данные о деятельности и поведении представителей разных городских сословий в начальный период войны, во время Смоленского сражения 4–6 августа, оккупации Смоленска французами.

The article analyzes the survival practices and every day life of the Smolensk in habitants during the extreme situation of the Patriotic War of 1812, based on the study of the documents of the archival fund “Estate of Trustees of the Charity of the ruined from the enemy in 1812”, deposited in the Russian State Historical Archive. Previously unknown data on the activities and behavior of representatives of different urban estates in the initial period of the war, during the Battle of Smolensk on August 4–6, and the occupation of Smolensk by the French, are introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Смоленское сражение, городские сословия, практики выживания.

Keywords: The Patriotic War of 1812, the Battle of Smolensk, urban estates, survival practices.

Тема повседневной жизни горожан в экстремальных условиях войн, несомненно, актуальна сегодня, в т. ч. в связи с ростом интереса к изучению социальной истории. В последние десятилетия в отечественной исторической науке в рамках микроисторической парадигмы проявилась тенденция приближения исследований к человеку как субъекту, творцу, а не только объекту исторического процесса. Однако повседневная жизнь и адаптационные практики выживания провинциальных горожан в экстремальные эпохи XIX века является практически неисследованным вопросом в отечественной историографии.

Повседневная жизнь и практики выживания смолян в период Наполеоновского нашествия 1812 года и оккупации губернского центра французами является малоизученной проблемой на региональном уровне, хотя отдельные вопросы темы попадали в исследовательское поле историков в связи с изучением восстановления города после событий 1812 года¹. В исследованиях современных историков разрушению Смоленска и городов региона отведено всего 1–2 страницы, а ментальные настроения жителей и стратегии их выживания в экстремальную эпоху не становились еще предметом самостоятельного исследования². Выявление и анализ не введенных в широкий научный оборот архивных источников о практиках выживания жителей Смоленска в период экстремальной ситуации 1812 года важнейшая задача ликвидации лакунарности исторического знания в данной области.

Источниковая база данного исследования весьма узка. К сожалению, городские жители оставили нам очень мало источников личного происхождения и эпистолярного жанра, которые необычайно важны для воссоздания истории повседневности. К наиболее интересным следует отнести «Дневник» и письма смоленского историка Н.А. Мурзакевича, дневник священника П. Васильева и др.³

Важнейшим источником информации для нас стал отложившийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) комплекс документов 1813–1817 гг., которые представлены текущей делопроизводительной документацией общества «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» (Ф. 1309). В этом архивном фонде

сосредоточено 53 дела, в которых содержатся прошения о выдаче пособий представителям разных сословий (дворянам, чиновникам, купцам, мещанам, солдатам) Смоленской губернии за 1813–1815 гг., а также расписки губернского предводителя дворянства С.И. Лесли о выделении денежных средств. Эти документы мало изучены и практически не используются исследователями, однако они являются многоплановым источником по истории Отечественной войны 1812 года. Этот массовый источник отражает настроения, эмоции и различные «стратегии выживания» провинциальных горожан. Документы позволяют уточнить и конкретизировать некоторые мало известные сюжеты провинциальной жизни Смоленска, ввести в научный оборот значительный по объему фактологический материал, касающийся повседневности не только известных семей губернского центра (например, губернского архитектора М. Слепнева, смоленского историка П. Никитина и др.), но и обычных городских обывателей в предвоенный, военный и поствоенный периоды. Изучение этих документов позволило нам хоть и фрагментарно, но представить себе жизнь жителей Смоленска 200 лет назад в период нашествия французов.

Для исследования заявленной проблемы были изучены более 500 прошений смоленских обывателей в адрес благотворительной организации «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году». Это позволило сделать вполне обоснованные выводы об особенностях их повседневной жизни и реконструировать практики выживания горожан в экстремальный период войны. Необходимо заметить, что в целом прошения смоленских жителей составляют около 50 % от общего числа заявок в «Сословие попечителей...». Также представлены прошения от жителей Гжатска, Вязьмы, Красного, Дорогобужа, Поречья.

Необходимо отметить значительную лакуарность прошений, более половины из них нам известны только благодаря сохранившимся пофамильным спискам, которые составлялись смоленским гражданским губернатором К.И. Ашем, однако их полные тексты отсутствуют. Поражает и отличная сохранность документов, доступных для исследований.

Практически все прошения однотипны, писались по разработанному клише со слов обывателей, но профессиональными писцами с обязательной личной подписью просителя или его доверенного лица (при неграмотности первого). Однако небольшая часть прошений написана собственноручно смоленскими обывателями, в основном это чиновники местной администрации, представители учительской корпорации, отдельными дворянами, которые имели определенный уровень образо-

вания и были способны сделать это лично. Именно эти прошения самые интересные и информативные с точки зрения содержащихся в них сведений и настроений их составителей.

Многие смоляне отмечали, что им удалось уехать из города только 4–5 августа, когда вокруг города уже шли бои. Например, вдова-купчиха Пелагея Андреевна Мосалова писала, что «по стремительному неприятелю нашествию..., оставя в доме свекра, выбежала с детьми из Смоленска пешком» в ночь с 4 на 5 августа⁴. Купец Лука Константинович Донской сумел вывести семью в последний момент в «начавшемся уже в городе приступу и сражению», «по недостатку лошади» они едва спаслись от неприятеля 6 августа и «странствовали по городам Тверской губернии»⁵.

Это вполне коррелируется с данными о том, что смоленские власти, в целях недопущения паники, не распространяли сведения о приближении армии неприятеля к Смоленску, а лошади в городе были реквизированы для нужд армии. Удалось обнаружить только три прошения, в которых авторы упоминают, что им удалось воспользоваться гужевым транспортом при бегстве от неприятеля. Первое принадлежало купцу Василию Петровичу Савельеву, который был спасен отступающими русскими войсками и лично военным советником Третьяковым «вывозом ... в своей повозке» 5 августа⁶. Второе – купчихе Матрене Ивановне Павловой, которая сумела на одной лошади с крепостным мальчиком вырваться из осажденного Смоленска 5 августа 1812 года⁷. Третье принадлежало коллежскому советнику Григорию Никитичу Петрункову, который сумел сохранить четырех лошадей и уехать 5 августа⁸.

Все это опровергает данные, которые приводит смоленский историк начала XX века В.И. Грачев, о том, что на рассвете 6 августа 1812 года колонны беженцев, возглавляемые священниками, под пение псалмов, с хоругвями и иконами своеобразными крестными ходами стали покидать город и двигались в соседние губернии, еще не занятые неприятелем⁹. Прощения обывателей рисуют картину всеобщего хаоса и панического бегства населения Смоленска, которое началось в ночь на 5 августа.

Дольше других в губернском центре вынужденно задержались те смоляне, которые выполняли выборные общественные должности. Например, смоленский городской голова, купец II гильдии Кузьма Макарьевич Верзин отметил в прошении, что оставался в городе до 6 августа «соблюдая долг всеподданнический ... присяге ... при правлении настоящей своей должности», помогаю русским войскам в доставке провианта, «уборке убиенных на брани тел и в переносении раненных в назначен-

ные места и в доставлении для перевязки их ран корпии и бинтов»¹⁰. Ему удалось уйти вместе с российской армией, взяв с собой все семейство из 16 душ. Купец Иван Игнатъевич Кещенков летом 1812 года исполнял должность городского квартирмейстера, поэтому «едва успел выехать с семейством при вторжении почти уже неприятеля в город»¹¹.

Интересна и судьба смоленского врача-акушера, инспектора Смоленской врачебной управы Метике. Он оставался до 6 августа в Смоленске, оказывая помощь русским солдатам и офицерам на поле боя, ушел из города вместе с армией и еще 1,5 года работал в военных госпиталях, вернувшись к жене Анне только в 1814 году¹².

Но не все желающие смогли покинуть город. Часть беженцев была окружена французами и возвращена обратно. Так случилось с Г.Н. Петрунковым, который был захвачен в плен, ограблен и избит французами в окрестностях Смоленска: «Враги ограбили у меня четырех лошадей... остался истинно в одних рубахах и без пропитания... Затем ... напавшие на меня неприятельские солдаты, сочтя меня за казака и шпиона, делая вопросы, где казаки, а когда отозвался решительным неведением, то они били меня немилосердно и причины в левый бок 12 ран ... оставили на месте без всяких моих телодвижений»¹³. Братья Петр и Павел Васильевичи Мукины, смоленские мещане, свидетельствовали: «Имущество свое за скоростью времени и неимением собственных лошадей не могли спасти... А пред занятием города неприятелем едва могли спасти жизнь свою, переплыв на лодке реку Днепр и вышли из города за 20 верст в деревню, где были захвачены неприятельским разъездом в плен»¹⁴.

В период оккупации в городе насчитывалось около тысячи жителей. Остались преимущественно мещане и мелкие чиновники. Некоторые беженцы укрывались в окрестных лесах, жили в наспех оборудованных землянках, боясь разводить огни, чтобы не привлекать внимание неприятеля. Но и при этом так же переживали тяготы присутствия неприятеля: периодически подвергались грабежам наполеоновских фуражиров и интендантов, забирающих подчистую весь провиант.

Большинство смоленских дворян и купцов пережило военное лихолетье в отдаленных губерниях, прежде всего Тверской, Ярославской, Орловской, Тульской. Вернулось большинство горожан только после разрешения властей в ноябре-декабре 1812 года, а многие семьи приехали в начале 1813 года. Например, семейству Смоленского городского головы К.М. Верзина удалось вернуться только 10 декабря 1812 года. Семейство Верзиных было богатейшей купеческой семьей Смолен-

ска с конца XVIII века. До Отечественной войны Кузьма Макарьевич Верзин владел в городе четырьмя домами: «коммерческим с разным имуществом, частным с 19 лавками и 3 харчевнями, третий – для постоя, четвертый – с кирпичным заводом, на котором вырабатывалось до 300 тысяч кирпича», а также 15 лавками. Все это имущество было «разграблено, истреблено и сожжено», общий ущерб составил 160 835 рублей. Это самая большая сумма потерь, которую смоленские горожане заявили в прошениях в «Сословие попечителей ...»¹⁵.

Изучение прошений горожан дает возможность представить себе быт смоленских обывателей до войны, т.к. в них перечисляются основные убытки. У большинства были разграблены и сожжены дома. Описание домовладений дает основание предположить, что процент каменных обывательских домов в губернском центре был выше, чем было принято считать (до 7%). Описи потерянного имущества также интересный источник о повседневной жизни купечества до войны 1812 года. В большинстве прошений содержатся данные об утрате посуды (фарфоровой, фаянсовой, оловянной, медной), постельного белья, платья, утвари. Но в некоторых упоминаются золотые и серебряные вещи, карты, часы (купцы Павлов и Ретковский), иконы, светские и религиозные картины (купец Ретковский), светские книги (купцы Павлов и Ретковский, смоленские дворяне и чиновники), что позволяет предположить, что личные библиотеки и собрания картин не были редкостью даже в среде купеческого сословия. Купец Иван Яковлевич Сытин писал о потере не только типографии, владельцем которой он был с 1795 года, но и книжной лавки, что говорит о вполне развитой книжной торговле в Смоленске.

5 августа 1812 года во время Смоленского сражения выгорела центральная улица губернского центра – Большая Молоховская, на которой располагались самые богатые каменные дома смоленской купеческой элиты (Голоктионовых, Головкиных, Глуховских, Кульбацких)¹⁶. Купец Голоктионов, например, потерял не только трехэтажный каменный дом, но и 28 лавок в Смоленске¹⁷. Больше других районов города пострадало Заднепровье – III часть Смоленска: в земляной крепости (форштадте) сгорел дом купеческой вдовы Татьяны Матвеевны Настасьиной, а депутат градской думы Егор Филиппович Ретковский потерял четыре дома, которые располагались на правом берегу Днепра¹⁸.

Таким образом, исследование фонда «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году», отложенного в РГИА позволили реконструировать отдельные сюжеты из повседневной жиз-

ни смоленских обывателей в экстремальную эпоху военных действий и ликвидации их последствий. Несомненно, эти документы являются важнейшим источником изучения таких «лакунарных» тем, как повседневность разных социальных и гендерных групп в периоды социальных катаклизмов начала XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Купченко К.В., Никитина Н.В.* История городского управления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX вв. Смоленск: Маджента, 2011. 244 с.; *Никитина Н.В.* Архивный фонд «Сословие призрения разоренных от неприятеля в 1812 году» как источник изучения истории смоленского купечества в экстремальные эпохи // *Studiainternationalia: Материалы VII Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*, (Брянск, 27–28 июня 2019 г.). Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2019. 196 с.

² *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. Влияние наполеоновского нашествия на состояние русских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М.: Политическая энциклопедия, 2018; *Земцов В.Н.* Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

³ *Мурзакевич Н.А.* Дневник. 1769–1834. Смоленск, 2003; *Васильев П.* Дневник разным событиям // *Край Смоленский*. 2016. № 4.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1309. Оп. 1 (1813). Д. 100. Л. 169–169об.

⁵ Там же. Л. 174–174об.

⁶ Там же. Л. 169–169об.

⁷ Там же. Л. 177–177об.

⁸ Там же. Д. 111.

⁹ *Грачев В.И.* Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 39, 54.

¹⁰ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1 (1813). Д. 43. Л. 182.

¹¹ Там же. Д. 100. Л. 152–152об.

¹² Там же. Д. 111.

¹³ Там же. Д. 110.

¹⁴ Там же. Л. 255.

¹⁵ Там же. Д. 43. Л. 182–183.

¹⁶ Там же. Д. 100. Л. 186–187об.; там же. Д. 47. Л. 108–110об.; там же. Д. 44. Л. 85–85об.

¹⁷ Там же. Л. 104–104об.

¹⁸ Там же. Д. 100. Л. 181–181об.